

ЭПИТАФИЯ АХИРАМА БИБЛСКОГО В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

25 с лишним лет прошло с тех пор, как была впервые опубликована надпись на саркофаге библского царя Ахирама. За это время появилось много работ, посвященных исследованию этой надписи, однако необходимо признать, что и сейчас еще, как и в 1925 г.¹, при ясности общего смысла точное значение отдельных слов второй строки остается темным. Можно даже с известным правом сказать, что новейшие исследования не только не способствуют более полному выяснению смысла надписи, но все дальше уведут нас от истинного его понимания.² Указанные обстоятельства и дают основания вновь подвергнуть детальному рассмотрению этот выдающийся памятник финикийской письменности.

Надпись выполнена по верхнему краю поперечной стороны саркофага, обращенной к югу (1), и по нижнему краю продольной стороны крышки саркофага, обращенной ко входу (2).

ТЕКСТ и ПЕРЕВОД НАДПИСИ

- (1) ʔrn | z pʕl | ʔ]tbʕl | bn ʔhrm | mlk gbl |
l ʔhrm | ʔbh | k šth | bʕlm |
(2) wʔl | mlk | bmlkm | wskn | bs[k]nm | wtumʔ | mhntʔ |
ʕy | gbl | wygl | ʔrn | zn | tʔtsp | ʔtr | mšpʔh |
tʔtpk | ksʔ | mlkh | wabt | tbrʔ | ʕl | gbl |
whʔ | ymh sprh | lpn (?) | tbl (?)

(1) Это саркофаг, что сделал [Э]тбаал, сын Ахирама, царь Библа, для Ахирама, отца своего, который пропавшего его на свет.

¹ Ср. PEF, QS, 1925, стр. 241.

² См., например, работы Ментца и Олбрайта. Так, например, вторую строку надписи Ментц переводит: «Если царь из царей или наместник из наместников и все побережье (т. е. вся Финикия) в поход против Библа выступит и откроет этот саркофаг, то (богиня) Хатор устрашит замышлявшего это. Своим приговором она опрокинет трон его царства и (бога) Тота против Библа возбудит, а он (т. е. Тот) сожрет сделанную им запись согласно указанию взвешивающего (т. е. Анубиса)». Этот перевод совершенно фантастичен.

(2) А если какой-нибудь царь из царей, или какой-нибудь правитель из правителей, или военачальник вступит в Библ и откроет этот саркофаг,— сокрушен будет жезл судейской власти его, опрокинут будет трон царства его и мир покинет Библ. А он — изглажена будет надпись его перед лицом (?) всего мира(?).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАДПИСИ

k š t h b ʿ l m. Эти последние слова первой строки толкуются по-разному. Так, например, Лидзбарски¹ переводит: «Сюда он поместил его навеки»; Бауэр: «как место покоя его вовеки», Ронзевалль читает: *k š t r b ʿ l m* и переводит: «как укрытие в потустороннем мире»; Олбрайт читает: *k š [b] t h b ʿ l m*, и переводит: «как жилище его навеки». Ни одно из предложенных толкований не может быть признано удовлетворительным уже потому, что слово *b ʿ l m* не может значить «навек», и тем более оно не может значить «в потустороннем мире». «Навек» передается в финикийском языке обычно словами *l ʿ m* или *ʿ d ʿ m*. Точно так же в др.-еврейском, где *l ʿ l ʾ m* «навек» встречается около 170 раз, *ʿ a d ʿ o l ʾ m* «навек» — около 70 раз, *ʿ o l ʾ m* в значении «навек» около 120 раз, но ни разу не встречается *b ʿ ʿ o l ʾ m* или *b a ʿ o l ʾ m*. Я предлагаю переводить слова *k š t h b ʿ l m* «который произвел его на свет»; ср. выражение: *k ʿ š a t l ʾ . . . z e r a ʿ* (Gen., 4,25). Конструкция *š a t b . . .* вполне закономерна; см., например, Ps., 88,7. Ср. финикийское собственное имя *b ʿ l s t* (CIS, 2182, 3777). Это подчеркивание роли отца совершенно понятно; ср. Pr. 23,22: «будь послушен отцу твоему, который родил тебя»; Deut., 32,6; ср. также аккадское выражение: *abu ba-nu-u-a* «отец, который произвел меня».

¹ Ниже приводится алфавитный список основных работ, посвященных надписи Ахирама; в статье ссылки на эти работы даются сокращенно (только фамилия автора и иногда год издания).

N. A i m é - G i r o n, Note sur les inscriptions de Ahiram, BIFAO, XXVI, (1925), стр. 1—13; он же, Adversaria Semitica (IV). Essai sur l'âge et la succession des rois de Byblos d'après leurs inscriptions, Ann. du Serv., XLII (1943), стр. 283—338; W. F. A l b r i g h t, The Phoenician Inscriptions of the Tenth Century B. C. from Byblus, JAOS, 67 (1947), № 3, стр. 153—160; H. B a u e r, Eine phönikische Inschrift aus dem 13. Jahrh., OLZ, 28 (1925), стр. 129—140; S. A. C o o k, the Inscription of Ahiram, King of Byblus, PEF, Quarterly Statement, 1925, стр. 210—215; M. D u n a n d, Byblia grammata, 1945, *passim*; R. D u s s a u d, Les inscriptions phéniciennes du tombeau d'Ahiram, roi de Byblos, «Syria», V (1924), стр. 135—157 [editio princeps]; он же, Dédicace d'une statue d'Osorkon I par Elibaʿal, roi de Byblos, «Syria», VI (1925), стр. 104—107; J. F r i e d r i c h, Zur Einleitungsformel der ältesten phönizischen Inschriften aus Byblos, «Mélanges Syriens offerts à René Dussaud», 1939, стр. 39—47; H. G r e s s m a n n, Die Königsgräber in Byblos, «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», I (N. E.), 1924, стр. 349—351 (приведен перевод эпитафии Ахирама, который предложил G. H o f f m a n n); M. L i d z b a r s k i, Epigraphisches aus Syrien, «Nachricht. v.d. Gesell. d. Wiss. zu Gött.», Phil.-hist. Kl., 1924, вып. 1, стр. 43—48; он же, Zu den phönizischen Inschriften von Byblos, OLZ, 30, 1927, стр. 453—458; A. M e n t z, Beiträge zur Deutung der phönizischen Inschriften, «Abh. für die Kunde des Morgenlandes», XXXIX (1944), вып. 2, стр. 5—13; P. M o n t e t, Les fouilles de Byblos en 1923, «Syria», IV (1923), стр. 334—344; он же, Byblos et l'Égypte. Texte, 1928, стр. 215—238, Atlas, 1929; S. R o n z e v a l l e, L'alphabet du sarcophage d'Ahiram, «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», XII (Beyrouth, 1927), стр. 1—40; W. S p i e g e l b e r g, Zur Datierung der Ahiram-Inschrift von Byblos, OLZ, 29 (1926), стр. 735—737; Ch. C. T o r r e y, The Ahiram Inscription of Byblos, JAOS, 45 (1925), стр. 269—279; H. V i n c e n t, Les fouilles de Byblos, «Revue Biblique», 34 (1925), стр. 183—193.

Рис. 1. Саркофаг Ахирема. Сторона, обращенная на юг

Рис. 2. Саркофаг Ахирара. Сторона, обращенная ко входу

Рис. 3. Надпись на крышке саркофага (начало)

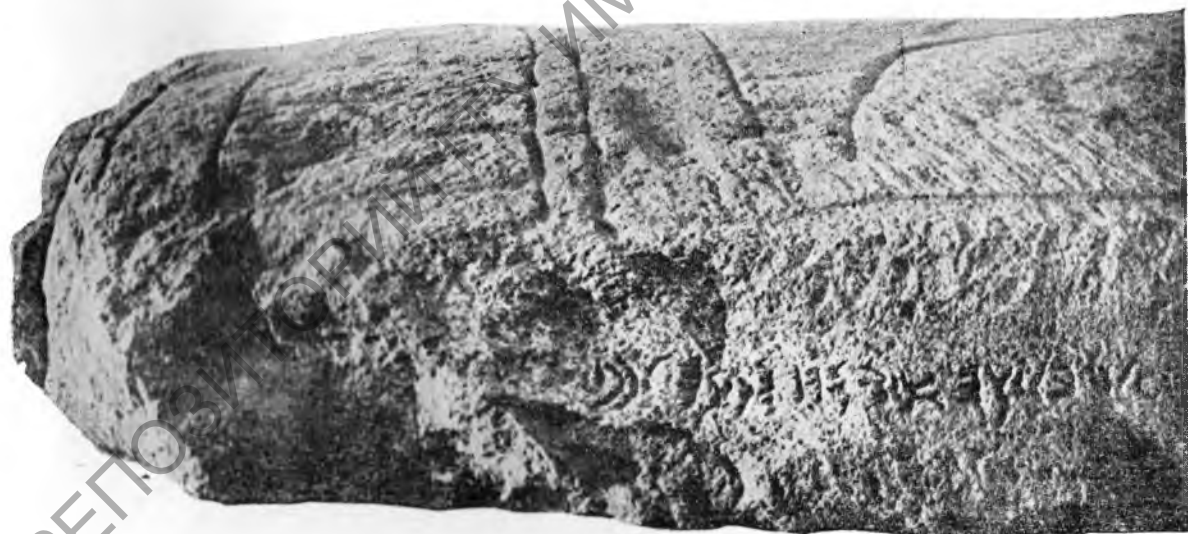

Рис. 4. Надпись на крышке саркофага (конец)

וֵאל. Лидзбарски видел в этом слове формулу клятвы, известную из арабского: «клянусь богом». Это большая натяжка. Гофмани считал וֵאל указательным местоимением мн. ч. и переводил: «а эти [были царями среди царей и т. д.]» (см. у Грессмана). Бавэр рассматривал וֵאל как предлог, употребленный здесь в смысле «что касается». Тори видел в וֵאל предлог для выражения дательного падежа. Толкования Гофманна, Бавэра и Тори неприемлемы ни с грамматической, ни с логической точки зрения. Олбрайт отождествлял וֵאל с др.-евр. ʾlaj «если», но в таком случае должно было быть написано не וֵאל, а וֵאלу. Дюссо, Венсан и другие привлекали др.-евр. ʾillū (= ʾim lū; ср. арабск. ʾin law) «если». Это предположение было бы, пожалуй, наиболее вероятным, если бы не то обстоятельство, что слово ʾillū встречается крайне редко (всего лишь два раза) и то в поздних текстах (Eccl., 6, 6; Esth., 7, 4).

Серьезного внимания заслуживает высказанное впервые Ронзеваллем мнение, что וֵאל в нашей надписи представляет фонетический вариант арабской частицы ʾin «если». (Между прочим, такое же значение имеет ʾin и в арамейском). Точно так же Ронзевалль рассматривал и встречающуюся в надписи частицу ʿl (в выражении «wḥt tbrḥ ʿl gbl») как фонетический вариант арабской частицы ʿan. Он считал это явление характерной особенностью библского диалекта древнейшего периода. В пользу мнения Ронзевалля могут быть приведены очень веские данные: 1) в финикийском языке l и n чередуются. Так, например, в надписи из Маʿсуба вместо обычного ḥpn читаем ḥpl; в одной надписи из Абидоса, принадлежавшей выходцу из Тира, вместо обычного mlqrt — mnqrt; в другой надписи из того же Абидоса вместо обычных ʾnk «я» и bn «сын» находим ʾlk, bl и т. п.; 2) точно так же l и n чередуются и в др.-евр., например: liškā и niškā; laḥaṣ and nāḥaṣ; šūlammit и šūnammit и т. д.; 3) еще чаще чередование l и n в арабском: lā bal и lā ban, daḥila и daḥina, naqama и laqama, naqija и laqija и т. д.; 4) l в др.-евр. соответствует иногда в арабском n: в др.-евр. šelem, в арабском šanam; в др.-евр. kallā, в арабском kanna и т. д.¹

וֵאל mlk bmlkm wskn bsknm. Значение слова skn до сих пор не выяснено. Это слово засвидетельствовано в одной финикийской надписи из храма Бала Ливанского, найденной на Кипре и восходящей к VIII в. до н. э. (skn qrt-ḥdšt ʿbd ḥrm mlk ṣdnm ʾz ytn lbʿl lbnn ʾdny . . .), и в одной арамейской надписи из Хамата, также восходящей к VIII в. до н. э. (ʿdnrm skn [b]yt mlkh); еще один раз встречается оно в книге Исаии, 22,15: «ступай, поди к этому sōkēn'u, к Севне, начальнику дворца». Зато мы имеем возможность выяснить значение того термина, который, если судить по финикийским надписям из Киликии, употреблялся как синоним термина skn. Во вновь открытой надписи Азитавадда (IX в. до н. э.) выражению нашей надписи וֵאל mlk bmlkm wskn bsknm соответствует выражение w-m mlk bmlkm wrzn bḥzpm. Таким образом, skn = rzn. Слово rzn встречается в др.-евр. письменности шесть раз, причем в трех случаях контекст позволяет раскрыть социальную сущность этого термина:

Он обращает rōzēnīm в ничто,

судей земных как бы ничтожностью делает (Jes., 40,23).

[Мудрость говорит:]

Мною царствуют цари,

и rōzēnīm издают законы правды (Prov., 8,15).

Не царям пить вино и не rōzēnīm — сикеру².

Иначе, напившись, забудет закон и извратит суд
всех угнетаемых (Prov., 31, 4, 5).

¹ См. C. В о с к е л м а n n, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, I, В., 1908, 222, 228; M. L i d z b a r s k i, Ephemeris für semitische Epigraphik, III, 99; C. L a n d b e r g, Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale, Daḥīnah, 1759—1763; W. G e s e n i u s — F. B u h l, Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch, 1924, стр. 370.

² Сикер — опьяняющий напиток.

На основании этих мест можно смело предположить, что термин *gzn* (и, следовательно, *skn*) обозначал высшего сановника, который наряду с царем принимал участие в управлении царством и в руках которого была сосредоточена, по преимуществу, судебная власть; ср. II Chr., 26, 21, где о Иоафаме, бывшем, как и Севна, начальником дворца, говорится, что он «судил народ земли»; *gzn* (resp. *skn*), таким образом, живо напоминает древне-египетского *tꜣtj*, которого историки древнего Востока неудачно именуют «везирем».

wtm' mḥnt. Слово *tm'* встречается здесь впервые. Дюссо, Бауэр, Венсан и др. соединяют слова *wtm' mḥnt* со следующими словами надписи — *ʿy gbl* и переводят по смыслу: «расположит стан против Вибла». Это толкование совершенно произвольное. Фантастический характер носит и конъектура, предложенная Ментцом. Он разделяет слово *tm'* на два слова: *tm* и *'*, которые переводит «все побережье». Вся фразу *wtm' mḥnt ʿy gbl* Ментц переводит: «и все побережье (т. е. вся Финикия) в поход против Вибла выступит». Тори и Эме-Жирон сопоставляют слово *tm'* с ассиро-вавилонским глаголом *tamū*, представляющим второстепенное образование от глагола *amū* (ср. араб. *amā, amī*) и означающим «говорить», «заключить», и предлагают переводить слова *tm' mḥnt* «командующий армией», «военачальник». Это толкование, принятое теперь и некоторыми другими учеными, следует признать наиболее удовлетворительным. В его пользу могут быть приведены материалы и из других семитических языков. Так, в др.-евр. слово *naḡid* «вождь, военачальник»¹ означает собственно «оратор»; то же означает и слово *nāsī'* «князь», «вождь», «начальник»; в арабском языке сюда прежде всего относятся такие слова, как *amīr*, *zaʿīm* «оратор», «начальник», «вождь», *qajī* «глава», «старейшина», «вождь» (от *qala* — говорить). Некоторые считают, что и первоначальное значение слов *sejjid* «господин» и *šejh* «шейх», «старейшина», «глава племени» и т. д. было «оратор», они сопоставляют эти слова с евр. *sōd* и *sīʿh*². Слово *tm'* является причастием, а не формой *qattāl*, как полагал Тори. Сохранение *'* вполне закономерно; ср. надпись Иехавмилка из Библа, стк. 2: *wqr' ʿnk*.

ʿy gbl. *ʿy* является бесспорно глагольной формой. Нет надобности вставлять между *ʿy* и *gbl* предлог *ʿ*, как это делает Олбрайт; ср. такую же конструкцию в *Jes.*, 7, 1.

wygl ʿr n zn. Употребленная здесь в качестве указательного местоимения частица *zn* также свидетельствует о том, что частица *z* в начале надписи является не указательным, а относительным местоимением. Для *wygl* ср. такую же форму в *Job.*, 36, 15.

tḥt sphtr mšpḥt ḥt ḥtpk ks' mlkh. Ср. в угаритском

lyḥpk ks'a mlkk

lyḥr ḥt mḥpḥk (I AB, 6, 28—29)

да опрокинет он (т. е. Эл) трон царства твоего,
да сломит он жезл судейской власти твоей.

tḥtsp, ḥtpk — возвратная форма *iftaʿal*, соответствующая VIII породе в арабском языке. Следы этой формы встречаются в надписи Меши, царя Моаба (ок. середины IX в. до н. э.). Так, *wlḥḥm* «и я сражался» (стк. 11, 15); *bhlḥḥm* «когда он сражался»: инфинитив с мест. суфф. 2 л. (стк. 19); *hlḥḥm* «сражайся»; императив

¹ См., например, I Chr., 13, 1; II Chr., 32, 21.

² См. G. Hoffmann, Ueber einige phönikische Inschriften, 1889, стр. 55; J. Barth, Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen, 1894, стр. 184; J. G. Wetzstein, Sprachliches aus den Zeltlagern der syrischen Wüste, ZDMG, XXII (1868) стр. 91; ср. I. Goldziher, Über die Vorgeschichte der Higaʿ-*Poesie*, «Abhandlungen zur arabischen Philologie», I (1896), стр. 1—105.

(стк. 32). Эту форму усматривают также в некоторых древних ханаанских местных названиях: ʔestāʔōl, ʔestēmoʕ, ʔelteqe¹. Она встречается и в угаритском².

Глагол ḥsr в значении «ломать», «сокрушать» встречается здесь впервые.

ḥtr «жезл». Такое же значение имеет это слово в др.-арамейском и ассиро-вавилонском, см., например, надпись из Зенджирли царя Панаммува (первая половина VIII в. до н. э.), стк. 2—3: wlnn bydy hdd wʔl wrkbʔl wsmš wrsp ḥtr «и дали мне в руку Хадад, и Эл, и Рекуб-эл, и Шемеш, и Решеф скипетр» (ср. стк. 9, 20, 25). В ассиро-вавилонском: ḥuṭaru, ḥuṭartu «посох», «скипетр». В др.-евр. письменности слово ḥṣer встречается два раза в значении «отпрыск» (Jes., 11, 4; Prov., 14, 3); жезл же обозначается обычно словом šebet. Любопытно отметить, что слово meḥoqeq, означающее собственно «законодатель» (см., например, Jud., 5, 14; Jes., 33, 22; Deut., 33, 21), получило значение «жезл» (см., например, Gen., 49, 10; Deut., 33, 21; Num., 21, 18; Ps., 60, 9) — символ судебной власти стал обозначаться тем же термином, что и носитель этой власти. Ср. Jes., 14, 5, где по отношению к šebet «жезл» употреблен глагол šabar «слоमितь», «сокрушить».

ksʔ mlkh. *ksʔ* «трон», здесь ж. р. как и в ассиро-вавилонском. Между прочим, в др.-евр. *ksʔ* во мн. ч. принимает окончание ж. р.: *kisʔot*. Слово *mlk* обычно сопоставляется с арабским словом *mulk* «царство». Но это большая натяжка. Я считаю *mlkh* формой мн. ч. с мест. суфф. 3 л. от *mlk* «царь»: по составу согласных мн. ч. с суффиксами не отличается от ед. ч. с суффиксами, так: *sntw* «его годы», *umw* «его дин», *ʕmdh* «ее столбы» и т. д.; II Reg., 11, 19 дает тогда для нашего выражения прекрасную параллель. Там «престол царства» назван «престолом царей»: «и он воссел на престол царей», т. е. на престол царства или на царский престол, *kisseʔ ha-melākim* здесь то же, что и в других случаях *kisseʔ ha-melūkāʔ*, I Reg., I, 46; или *kisseʔ ha-malkūt*, Esth., 1, 2; II Chr. 17, 18, или *kisseʔ ha-mamlakā*, Deut., 17, 18; II Chr., 23, 20.

wn ḥt tbr ḥ ʕl gbl. Эта фраза переводится по-разному в зависимости от толкования тем или иным исследователем предлога ʕ. Дюссо, Бауэр, Венсан и др., толкующие предлог ʕ в его обычном смысле «на», «над», переводят эту фразу «и да царит» (или «и да парит», или «и да наступит») мир над Библиом. Но эти авторы, желая спасти предлог ʕ, приносят в жертву глагол *bḥh*, который собственно означает «убежать от ...», «удаляться от ...». Кроме того, при этом переводе фраза теряет всякую связь как с предыдущим текстом, так и с последующим. Лидзбарски, Ронзевалль и другие считают ʕ эквивалентом арабского предлога ʕan «от», «из» и переводят всю эту фразу «и мир (или „покой“) оставит Библи, или «и мир удалится из Библиа», или «и мир да оставит Библи». Не может быть сомнения, что именно последний перевод является единственно правильным. Выше в связи с вопросом о предлоге ʕ мы уже подробно говорили о закономерности чередования в семитических языках звуков l и n, и, таким образом, предположение, что ʕ = ʕn, вполне правдоподобно. Но и помимо этого многое говорит за такое толкование; пример подобного словопользования имеется и в арамейской письменности, причем смысл фразы не вызывает там никаких сомнений: так, в Dan., 6, 19, *wešinteh naddat ʕalōhī* «и сон его покинул его», глагол *nēdad* имеет приблизительно то же значение, что и глагол *bāḡah* — «убежать», «удаляться», и при нем употреблен также предлог ʕal (на эту параллель впервые было обращено внимание в журнале «Biblica», VII, 1926, стр. 95). Такое же двойственное значение имеют в подобных случаях, по Зетэ, предлоги «на», «над» и в египетском языке (см. Лидзбарски, 1924, стр. 45 и сл.). В дальнейшем пользу правильности последнего перевода будут приведены еще и другие доводы.

ʕ hʔ um ḥ spr ḥ — «а он — изглажена будет его надпись». Эта грамматическая конструкция особенно характерна для арабского языка, но она часто встречается и в других семитических языках. Чтение *spr z* «эта надпись» совершенно исключено, так как указательным местоимением в нашей надписи является *zn*. Если до свх

¹ См. G. Bergsträsser, Hebräische Grammatik. II, 2, 1929, стр. 100

² См. С. Н. Gordon, Ugaritic Handbook, 1947, стр. 70.

пор говорилось о тех бедствиях, которые постигнут общество в целом, в случае если кто-либо решится погревожить покойника, то последнее проклятие имеет в виду лицо, непосредственно в этом повинное, и должно быть поэтому особенно устрашающим. То же мы видим в надписи Кизламува, где строки 13—16 гласят: «А если кто-нибудь из моих потомков, который воссядет на трон вместо меня, повредит эту надпись — Мшкб перестанут уважать Б'рр, а Б'рр перестанут уважать Мшкб. А тот, кто уничтожит эту надпись — погубит его голову Баал — Смд ... погубят его голову Баал — Хмн ... и Рекуб-эл — „хозяин“ дома»; здесь, таким образом, тоже раньше говорится о расстройстве общественной жизни, а затем о личных бедствиях. Между прочим, для ранних ступеней общественного развития вообще характерно представление о том, что нарушение кем-нибудь из членов общества освященных вековой традицией норм поведения неминуемо приносит несчастье всему обществу.

l p n (?) t b l (?) — не только смысл, но и чтение двух последних слов надписи до сих пор не выяснено. Монтэ прочел *l p p s b l*, и это чтение было принято большинством исследователей, но Дюссо по эстампажу прочел *l p p s r l*. Харрис читал (повидимому, под влиянием Олбрайта) *l p p m t b l*¹. Олбрайт в 1947 г. отказался от чтения *m t b l* и принял чтение *s b l*. Гастер («Iraq», VI, стр. 140) предложил читать *l p p t b l*. Эме-Жирон читает *l p n s r l*. Что касается перевода этих слов, то Бауэр считал, что надпись первоначально кончалась словами *wh' umh* «а он пусть будет уничтожен» и что позже была сделана приписка *s r t z l p p s r l* «эта надпись принадлежит (т. е. была изготовлена) ... (p p s r l — имя и титул писца)». Лидэбарски оставил последние слова без перевода. Кук назвал их безнадежными. Дюссо в 1925 г. читал *umh s p r h l p p s r l* и переводил «истреблены будут его потомки мечом». Тори переводил «[и мир покаяет Библ, если он изгладит эту надпись,] закроет ее или замажет». Олбрайт — «пусть изгладит его надпись скитающийся по дорогам». Эме-Жирон — «его имя будет изглажено перед лицом (бога) Шор-эл».

Я считаю, что первое слово следует читать не *l p p*, а *l p n*; не совсем обычная форма буквы *n*, может быть, объясняется тем, что резчик, нанеся ее слишком близко от предыдущей буквы *p*, оставил ее без верхней, имеющей наклон вправо, черты, чтобы обе буквы не слились вместе. Второе слово предлагаю читать *t b l* «вселенная, земля»; *t b l* встречается в др.-евр. языке исключительно в поэтических текстах; в других семитических языках это слово определенно не засвидетельствовано; очень возможно, что слово *t b l* перешло в др.-евр. из финикийского, однако оно не привилось в др.-евр. языке, на что указывает, кроме ограниченного употребления, еще и то, что оно никогда не принимает определенного члена². Таким образом, впервые получаем вполне удовлетворительный смысл: «его надпись (и тем самым его имя) изглажена будет перед лицом всего мира»; ср. выражение *re'ne tebel* (Jes., 14, 21; 27, 6; Job., 37, 12); ср. Ez., 28, 18: «и превращу тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя»; ср. Ez., 28, 17: «за то повергну тебя на землю, перед лицом нарей, чтобы смотреть на тебя». Между прочим, речь идет здесь о Тирском царе. См. *tebel* в значении «жители вселенной» Jes., 13, 11 и Ps., 9, 9.

ЗНАЧЕНИЕ НАДПИСИ

Достигнутое нами в результате детального филологического анализа понимание надписи позволяет в более полной мере выявить ее значение и сделать некоторые весьма существенные выводы как частного, так и общего характера.

¹ Z. S. Harris, A Grammar of the Phoenician Language, New Haven, 1936, стр. 115.

² Как будет показано ниже, отсутствие определенного члена — одна из характерных особенностей финикийского языка в этот период.

ЯЗЫК НАДПИСИ

Язык эпитафии Ахирама имеет ряд отличительных особенностей как в области морфологии, так и в области лексики.

В области морфологии

Глагол

1. Глаголы с конечным «у» сохраняют в 3 л. м. р. перфекта полное написание, например, ʕy. Это с несомненностью свидетельствует о том, что «у» в этих случаях произносился как согласный. Такое же явление наблюдается и в других древних надписях из Библи. Так, в надписи Йехимилка: bny, ʕwy; в надписи Шефатбаала: bny. В известных же нам финикийских надписях, начиная с IX в., конечный «у» не обозначается в письме; так, в надписи Киламува: hz; в надписи Азитавадда: bn, ʕn. Эта особенность, сближающая язык надписи скорее с арабским, чем с др.-евр., может служить лишним аргументом против отстаиваемой некоторыми учеными теории о том, что недостаточные глаголы непосредственно восходят к существовавшим якобы вначале двухбуквенным основам.

2. Наличие возвратной формы ifta'al, соответствующей VIII породе в арабском языке, например, ʔʔsp (от ʔsp), ʔʔpk (от hpk). Эта форма, отсутствующая в др.-евр., встречается здесь впервые.

Имя существительное

1. Слово ʔʔ «жезл, скипетр» — ж. р., как и в ассиро-вавилонском. В др.-евр. это слово м. р.

2. Слово ksʔ «трон» ж. р., как и в ассиро-вавилонском. В др.-евр. это слово м. р.

Местоимения

1. Отсутствие определенного члена. В надписи Йехимилка из Библи, датированной XII—XI—X в., определенный член встречается; так: mʔt hbtm ʔi; точно так же в надписи Киламува (hmlkm hʔʔm, hspz z), в надписи Азитавадда (hbrk, kl hrʕ, kl hmlkm, hqʔt z, hʕʕr z), в надписи Меша (hbmt zʔt, hʕʕwʔ, hqr, hʕʔt, hʕʕrm, hmkrtt, hmslt и т. д.) — все надписи IX в.

2. Местоименным суффиксом 3 л. м. р. всегда является h, например, ʔbh, sth, mʔʔh, mlkh, spʔh. В других древних надписях из Библи мест. суфф. 3 л. м. р. всегда w. Так, в надписи Йехимилка: wʕntw; в надписи Элибаала: ʔdtw, wʕntw; то же в надписи Шефатбаала. В финикийских надписях, начиная с IX в., мест. суфф. 3 л. м. р. — «у», например, в надписи Киламува: ʕy, sty, в надписи Азитавадда: mbʕy, lʕny. Эта особенность характерна и для надписи Меша, где, например, bʕʕh, wʕʔh, bnh, bh, wbbh, umh и т. д. В др.-евр. встречается как реликтовая форма.

3. Относительным местоимением является z, например, ʔzn z pʕ. То же в надписи Йехимилка (bt z bny), в надписи Шефатбаала (qr z bny). Указательным же местоимением является zn, например, ʔzn zn. В финикийских надписях начиная с IX в. относит. мест. является ʕʕ, а z имеет значение указательного местоимения. Так в надписях Киламува и Азитавадда.

Частицы

1. Союз ʔi означает «если», приближаясь, таким образом, к арабскому ʔin и к арамейскому ʔn, ʔen.

2. Предлог ʕi означает «от», приближаясь к арабскому ʕp.

В области лексики

Глагол ʔsp в значении «ломать», «сокрушать» встречается здесь впервые.

Глагол st (bʕm) в значении «производить (на свет)» встречается здесь впервые.

Термин tmʕ ʔʔt «военачальник» встречается здесь впервые.

Слово ʿm имеет здесь значение «свет», «мир» как в арабском и арамейском.

Глагол bḡ «бежать», «удаляться» употребляется в др.-евр. письменности, как правило, по отношению к человеку (больше 50 раз). Только один раз (Job., 9, 25) он употреблен по отношению к человеческой жизни («дни мои легче гонца, убежали, не видели добра»). Здесь глагол bḡ употреблен по отношению к миру, покою.

Глагол gly «открывать» встречается в финикийских надписях впервые.

Глагол hrk «опрокидывать» встречается в финикийских надписях впервые.

Глагол mḡu в форме līf'al «быть изглаженным» встречается в финикийских надписях впервые.

ḥṭr в значении «жезл», «скипетр», в др.-евр. письменности не встречается.

mšrṭ в значении «судейская власть» в др.-евр. языке не встречается. Такое же значение имеет это слово, повидимому, и в угаритском, см. I AB, 6, 29.

Из сказанного с очевидностью вытекает следующее.

1) Язык надписи обнаруживает ряд отличительных особенностей, дающих право говорить о финикийском языке как о вполне самостоятельном семитическом языке.

2) Язык надписи обнаруживает столь много серьезных расхождений с древне-еврейским, что нет больше оснований говорить ни о чрезвычайной близости финикийского языка к древне-еврейскому, ни тем более о том, что библский диалект «весьма подобен др.-еврейскому»¹. Мнение, которое высказал Лидзбарски, в связи с анализом данной надписи: «там, где кончается знание древне-еврейского, кончается для нас и знание финикийского» (1927, стр. 455), — не может быть признано нами теперь правильным в такой формулировке.

3) Язык надписи в грамматическом отношении существенно отличается от языка всех известных нам библских надписей древнейшего периода. Это, как мы видели, сказывается прежде всего в отсутствии определенного члена и в употреблении в качестве мест. суффикса 3 л. м. р. «h».

4) Язык надписи имеет ряд общих черт, с одной стороны, с языком угаритских надписей и, с другой — с языком надписи Мени.

КОМПОЗИЦИЯ И СТИЛЬ НАДПИСИ

Надпись имеет, несомненно, и известные, если можно так выразиться, литературные достоинства. Перед нами произведение, в котором ярко отражено свободное индивидуальное творчество, находящееся на значительной высоте. В надписи наблюдается стройная согласованность отдельных частей; чувствуется определенный ритм и сильная экспрессия. Лидзбарски впервые обратил внимание на то, что в надписи проявлена тенденция к *parallelismus membrorum*, но вместе с тем он указывал, что эта тенденция не нашла своего последовательного выражения. Наше толкование надписи опровергает мнение Лидзбарского, так как показывает строгую согласованность отдельных частей.

А если какой-нибудь царь из царей
или какой-нибудь правитель из правителей,
или военачальник
вступит в Библ
и откроет этот саркофаг —
сокрушен будет жезл судейской власти его,
опрокинут будет трон царства его,
и мир покинет Библ.

¹ «Very similar to Hebrew» — Z. S. Harris, A Grammar of the Phoenician Language, стр. 69.

Мы видели, что в руках верховного сановника (*gzn gsr. ski*) была сосредоточена по преимуществу судебная власть, что верховный сановник был верховным судьей. К нему-то и относятся слова проклятия: «сокрушен будет жезл судебной власти его». К царю относится проклятие: «опрокинут будет трон царства его». А к военачальнику, который стоял во главе вооруженных сил и на котором лежало как руководство военных действий, так и поддержание внутреннего порядка, относятся слова проклятия: «и мир покинет Библ», что может быть понято как в смысле того, что Библ подвергнется нападению извне, так и в том смысле, что он будет раздираем внутренними междоусобицами. Параллель к последнему представляет надпись Киламува, где мы читаем: «А если кто-нибудь из моих потомков, который воссядет на трон вместо меня, повредит эту надпись, — Мшкб перестанут уважать Б'рр, а Б'рр перестанут уважать Мшкб». Это, по всеобщему мнению, имеет тот смысл, что разные группы населения будут враждовать между собой.

Весьма любопытной, но до сих пор не привлекавшей должного внимания, чертой надписи является то, что в ней, в отличие от других финикийских надписей¹, проклятие и угроза не подкрепляются именем бога или богов. Наша надпись, таким образом, оказывается первой и пока единственной царской финикийской надгробной надписью, носящей так сказать светский характер. Однако никакого более или менее удовлетворительного объяснения для этого поразительного факта пока предложить не могу.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Эпитафия Ахирама в эпиграфическом отношении существенно отличается от всех известных нам финикийских надписей начиная с IX в. Эти различия прежде всего касаются букв: *ʿ, k, m, j, t* и отчасти букв: *z, b, t, h, t*. е. девяти из встречающихся в эпитафии 19 букв. Но письмо эпитафии Ахирама несколько отличается от письма финикийских надписей и более древнего периода. Это относится, в частности, к буквам: 1) *ʿ* — только в надписи Ахирама эта буква не имеет еще характерного для нее угла слева от вертикальной линии; 2) *t* — только в надписи Ахирама у этой буквы внутри две пересекающиеся черточки в виде знака плюс; в надписи же Шефатбаала библского, где эта буква также встречается, у нее внутри только одна поперечная черточка; 3) *z* — в надписи Ахирама поперечные черточки у этой буквы наиболее короткие; 4) *g* — в надписи Ахирама эта буква имеет несколько иную форму (большая черточка здесь совершенно прямая), чем в надписях Шефатбаала, Азарбаала, Цехимилка, Абибаала и т. д.; 5) *h* — только в надписи Ахирама у этой буквы иногда верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черточки. Эти особенности, на которые до сих пор не было обращено достаточного внимания, помимо своего эпиграфического значения, очень важны и для датировки надписи.

Надо заметить, что, несмотря на весьма архаический характер письма эпитафии Ахирама, нельзя согласиться с мнением, высказанным Бауэром, что надпись Ахирама «подводит нас очень близко ко времени происхождения алфавитного письма, которое в самом начале имело почти такой вид» (стр. 140). Нам неизвестен в точности прототип финикийского письма. Но, сопоставляя все относящиеся сюда материалы, можно с уверенностью сказать, что во всяком случае на некоторых буквах надписи Ахирама (как, например, *b, r, h, j* и т. д.) лежит печать долгой эволюции и что по крайней мере двести — триста лет должны бы понадобиться на то, чтобы они приняли эту свою значительно схематизированную форму.

¹ Ср., например, надписи царей сидонских Табнита (стк. 6) и Эшмуназара (стк. 9, 21, 22), а также надпись царя библского Цехимилка (стк. 15), надпись Киламува (стк. 15—16) и Азитвадда (стб. III, стк. 12—18, на подножье ортостатов и на льве у входа).

Нельзя умолчать и о том значении, которое имеет надпись Ахирама для истории греческого алфавита. Драйвер, детально и всесторонне исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что больше всего точек соприкосновения у греческого алфавита именно с надписью Ахирама: 23 буквы древнейших греческих надписей VIII—V вв. и 19 букв надписи Ахирама имеют 11 очень близких совпадений. Относительно некоторых букв Драйвер даже утверждал, что их прообраз содержится в надписи Ахирама. Так, он указывает, что «Е в надписях Феры и Мелоса походит на h в надписи Ахирама»; «Z в афинских и критских надписях наиболее приближается к z в надписи Ахирама»; «греческое T, подобно t в надписи Ахирама, вертикальное»; «греческое Θ, подобно t в надписи Ахирама и надписи из Норы, имеет круглую форму»; «афинское, ферское и критское Η походит на h в надписи Ахирама, в надписи на наконечнике стрелы из Ливана и в надписи из Гезера»¹. Если и не во всех случаях анализ Драйвера одинаково убедителен, необходимо, однако, признать, что значение надписи Ахирама как для вопроса о времени и месте происхождения греческого алфавита, так и для вопроса об его эволюции огромно.

ДАТИРОВКА НАДПИСИ

Дюссо, впервые издавший надпись Ахирама, предложил датировать ее второй половиной XIII в. до н. э. Он основывался при этом главным образом на факте находки в гробнице обломков сосуда (канопа) с именем Рамсеса II (1317—1251), а также микенской и кипрской керамики. Эта датировка получила широкое признание. Ее приняли Бауэр, Кук, Грессманн, Тори, Ронсевалль, Дирингер («Antiquity», XVII, 86), Дюналь и др. Но уже очень рано предложенная Дюссо датировка стала вызывать сомнения. Первым, насколько мне известно, выступил против нее Шпигельберг. Он указал, что найденные обломки сосуда не могут служить основанием для датировки, так как, по свидетельству Монте, который производил раскопки, гробница была вскрыта уже в древности (как установил Дюссо на основании некоторых находок, в VIII—VII вв. до н. э.); обломки сосуда с именем Рамсеса II могли каким-то образом попасть в гробницу случайно. Сам Шпигельберг не предложил никакой определенной даты, а ограничился лишь замечанием, что «решение этого вопроса исключительно зависит от специалистов по финикийской эпиграфике». Лидзбарски (1927 г.) также не принял окончательно датировки Дюссо. «Содержание и письмо надписи, — писал он, — никак не могут служить основанием для установления даты», и далее: «Никто не станет датировать надпись XIII веком до р. Хр. только на основании письма и языка. Письмо несколько древнее письма надписи на статуе Шешонка I, — это относится к алифу и мему, — но трудно сказать, сколько времени надо положить на эти изменения». За последние годы возражения против датировки Дюссо усилились, и они перенесены главным образом в область эпиграфики. Дело в том, что почти одновременно с опубликованием надписи Ахирама стали известны еще две другие древние надписи из Библа. Во-первых, после открытия надписи Ахирама стала возможна дешифровка надписи библиского царя Аббаала², которая была издана еще в 1903 г., но оставалась недешифрованной из-за необычной формы буквы «к», принимавшейся всеми за ф. В следующем, 1925 году была опубликована надпись царя Библа — Элибаала, помещенная на статуе Осоркона I (сына Шешонка, 920—905). Эти надписи были, повидимому, выполнены либо при жизни, либо вскоре после смерти указанных египетских царей, и дату их поэтому можно считать более или менее установленной. Последующие годы дали серьезный прирост библиского эпиграфического материала. В 1930 г. была издана надпись

¹ G. R. Driver, *Semitic Writing*, L., 1948, стр. 171—176.

² Надпись расположена на обломке статуй первого царя XXII египетской династии Шешонка (941—920).

царя Библа Йехимилка; в 1937—1938 гг. — надпись на бронзовой лопатке, принадлежавшей Азарбаалу; в 1945 г. — надпись библского царя Шефатбаала и небольшая надпись на обломке глиняного сосуда, известная как надпись Абды. Все эти библские надписи, письмо которых почти одинаково, но существенно отличается от уже известного финикийского письма, стали предметом широкого обсуждения и пристального изучения. В этой связи опять встал вопрос о датировке надписи Ахирама, причем наметилась общая тенденция к передвижению первоначальной даты на несколько веков вперед. Так, Каули (A. Cowley) писал Эме-Жирону, который предлагал датировать надпись Ахирама XI в., следующее: «Для надписи Элибаала следует установить дату, исходя из времени царствования Осоркона I, ок. 900 до р. Хр. Письмо надписи, кажется мне, почти то же, что и письмо надписи Ахирама. Во всяком случае они так похожи друг на друга, что не могу допустить, чтоб их разделял период в 300 лет... Я скорее склоняюсь датировать надпись Ахирама X в.» (Эме-Жирон, 1943, стр. 321). Олбрайт, вначале датировавший надпись Ахирама XII в., предложил затем дату «не позже чем ок. 975 до р. Хр.», которую мотивировал главным образом тем, что «письмо надписи Ахирама и надписи Абибаала так похожи друг на друга (is so nearly identical), что датировка первой надписи на три века раньше второй уж больше не кажется столь очевидной» (1947, стр. 153). Дюнан тоже пересмотрел свою первоначальную датировку и предложил дату ок. 1000 лет до н. э. (1945, стр. 197 и сл., post-scriptum). Драйвер поэтому с полным основанием мог заявить, что датировка надписи Ахирама началом X в. до н. э. теперь всеми предпочитается¹.

Однако произведенный нами анализ надписи Ахирама позволяет утверждать, что первоначальная датировка, хотя она и оставлена большинством исследователей, имеет гораздо больше оснований; надпись Ахирама следует относить по крайней мере к XIII в. до н. э.

В пользу датировки надписи Ахирама XIII в. говорят, во-первых, лингвистические данные. Как мы видели выше, язык надписи Ахирама в грамматическом отношении существенно отличается от языка всех других библских надписей, в том числе и надписи Элибаала. Так, в надписи Ахирама мест. суфф. 3 л. всегда является h, а во всех других библских надписях, в том числе и в надписи Элибаала — w (в надписи Элибаала: ³dtw, wšntw); в надписи Ахирама определенный член не употребляется, в надписи же Йехимилка определенный член встречается. Если принять, скажем, хронологию Олбрайта: Ахиром — ок. 1000, Этбаал, сын Ахирама, — ок. 975, Йехимилка — ок. 950, Абибаал — ок. 930, Элибаал — ок. 920, Шефатбаал — ок. 900 (1947, стр. 160), — пришлось бы допустить, что грамматические изменения, о которых шла речь, произошли за каких-либо 50—80 лет, а это совершенно невероятно. Гораздо правильнее будет предположение, что эти изменения, касающиеся основных грамматических категорий, происходили постепенно в течение столетий. И. В. Сталин писал: «Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется ещё медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом использоваться обществом в течение ряда эпох»². Не может быть сомнения, что система местоимений относится именно к «основам грамматического строя».

По этим же соображениям нельзя согласиться и с Дюнаном, считающим надписи Шефатбаала и Абды гораздо более древними, чем надпись Ахирама. В надписи Шефатбаала мест. суфф. 3 л. является уже w, как и в надписи Элибаала и в надписи Йехимилка; в надписи Абды уже встречается определенный член, как в

¹ G. R. Driver, *Semitic Writing*, стр. 105.

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, М., 1951, стр. 25—26.

надписи Нехимилка. Гораздо правильнее поэтому будет предположение, что надписи Шефатбаала и Абды моложе на несколько столетий надписи Ахирама. Надо отметить, что некоторые исследователи на основании других данных также пришли к выводу о том, что надписи Шефатбаала и Абды моложе надписи Ахирама (см., например, JAOS, 67, 1947, стр. 154).

В пользу датировки надписи Ахирама XIII в. говорят, во-вторых, эпиграфические доводы. Как показано выше, письмо надписи Ахирама несколько отличается от письма других финикийских надписей древнего периода, в том числе и надписей Абибаала и Элибаала. Так, в надписях Абибаала и Элибаала имеет слева от вертикальной линии угол, в надписи же Ахирама этого угла еще нет; у g в надписи Ахирама большая линия совершенно прямая, в надписях же Абибаала и Элибаала эта линия наклонная. Точно так же и буквы l, z, t в надписи Ахирама имеют несколько отличную форму от таковых в надписях Абибаала и Элибаала. Учитывая, что развитие финикийского письма, как неоднократно указывалось, происходило чрезвычайно медленно¹, трудно допустить, чтобы эти изменения произошли за каких-либо 50—80 лет. Гораздо правильнее будет предположить, что они происходили медленно, в течение нескольких столетий.

Все сказанное, кажется мне, с достаточной убедительностью доказывает, что надпись Ахирама следует относить по меньшей мере к XIII в. до н. э. и что это, таким образом, самая древняя из всех до сих пор известных финикийских надписей. Не приходится говорить о том, какое важное значение имеет этот вывод.

Проф. И. Н. Вишиков